

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. Т И М М О М Ъ.

№ 25.

1-го СЕНТЯБРЯ.

1852 года.

КАВКАЗСКІЕ СЛУЖАКИ.

(Очеркъ русскаго солдата.)

(Окончаніе.)

Горецъ хитеръ; особенно въ дѣлѣ или въ цѣпной перестрѣлкѣ дикарь изоощряетъ всю свою практическую находчивость, всѣ уловки; пользуется малѣйшею оплошностью солдата, каждымъ деревомъ, кустомъ, оврагомъ; гдѣ ползетъ змѣей, гдѣ высвистываетъ птицей, а гдѣ притаится какъ листь чинара. Но не тумакъ и нашъ служака. Зная съ кѣмъ имѣеть дѣло, онъ такъ же ловокъ и изобрѣтателенъ. Хитрѣя продѣлки врага у него всѣ на счету. Рѣдкій ночной стражъ приметъ кинутую вверхъ шапку хищника за полетъ птицы; никогда не обманется, замѣтивъ на скалахъ и подъ скалою дождь искръ, служащій врагамъ сборнымъ сигналомъ. Онъ умѣетъ вѣрно отличить раздражительный вопль горца отъ вопля ночнаго шакала. А между тѣмъ самъ частенько обманываетъ опытнаго врага. Особенно наши стрѣлки и егеря куда какъ изобрѣтательны на молодецкую продѣлку, и ужъ если израсходуютъ запасъ патронной сумы, то вѣрно не даромъ. Ловкіе, смѣлые, бойкіе на ударъ, они въ дѣлѣ щеголяютъ молодечествомъ...

Вотъ цѣлый лѣсъ камыша, или пшеницы, или болотной травы, въ ростъ стрѣлка. Цѣпь разсыпалась, загудѣла перестрѣлка; засновали пули, какъ пчелы. Не дадутъ егеря пріютиться врагу въ засадѣ: только открыть гнѣздо, а въ рѣшетѣ птица будетъ.—«Смѣкаешь, Репейковъ, замѣчаетъ одинъ изъ зоркихъ служакъ: что всѣ вражескія пули ложатся вотъ у этой куртины? Вотъ ужъ троихъ сняли изъ нашихъ.»—«Смѣкаю, голова—и мнѣ сдается, что Азіятъ засѣлъ въ траву, вонъ за прогалиной-то. Ну-ко, перекрестясь, отправимся на вырѣзку.»—«Ударимъ, товарищъ; только стой, какъ бы надуть Азіята!»—«А вотъ какъ, подхватываетъ третій, просто запросто рѣжь траву, ребята, долой шапки, крой картузы—метелкой вверхъ... въ такой каскѣ насъ и сорока не узнаетъ. Валяй!» Мигомъ нѣсколько рукъ принялись за работу. Замаскированные стрѣлки разсыпались въ травѣ и невидимые выслѣдили звѣря, принявъ его, по обыкновенію, на перекрестный огонь.

Разсказываютъ чрезвычайно забавный анекдотъ о находчивости одного изъ кавказскихъ служакъ.

Въ 183* году, за нѣсколько дней до луннаго затмѣнія, одинъ изъ старыхъ егерей, знакомый съ горцами и съ языкомъ ихъ, находясь въ ночномъ секретѣ, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. По какому-то счастливому случаю, день и часъ затмѣнія были извѣстны плѣннику. Зная суевѣріе и невѣжество горцевъ, служака рѣшился воспользоваться случаемъ, и выгнать изъ аула турецкаго муллу, бродягу, который былъ главною причиною вражды и ненависти бѣдныхъ дикарей къ Русскимъ. Ожидаемый день насталъ. Солдатъ выждалъ минуту, въ которую, по обыкновенію, послѣ дневныхъ работъ, мулла собралъ, у порога своей сакли, толпу недовѣрковъ, и принялся за поученіе. «Только лжетъ и морочить, борода!» громко сказалъ служака, вмѣшавшись въ толпу слушателей съ своимъ владѣльцемъ. Этихъ словъ было достаточно, чтобы и мулла и горцы съ угрозами и бросились на плѣнника. Старикъ не потерялся. «Стойте! вскричалъ онъ. Вспомните то время, когда вы были нашими кунаками.... Такъ ли вы были несчастливы, такъ ли плохо росла ваша кукуруза; такъ ли безнаказанно грабили ваши аулы сосѣдніе горцы? Вотъ ваше зло... вотъ этотъ выходецъ виноватъ всему, а вмѣстѣ съ нимъ сгинете и вы! Призываю въ свидѣтели словъ моихъ луну, которою клянется вашъ мулла... Она скоро почернѣетъ въ глазахъ вашихъ, и прахомъ распадутся скалы ваши»... Находчивый служака еще не успѣлъ кончить этихъ словъ, какъ луна видимо начала темнѣть. Суевѣрные горцы пришли въ неописанный ужасъ, и, требуя казни обманщика, упали къ ногамъ плѣнника.... Выходка служаки удалась какъ нельзя лучше. Онъ получилъ свободу и мулла тоже... котораго выгнали изъ аула.

Анекдотъ этотъ можетъ показаться невѣроятнымъ, но, зная молодецкую находчивость кавказскихъ служакъ, легко можно вѣрить и въ него. Человѣку *небывалому*, исторія эта покажется диковинной; бывалый только улыбнется, примолвитъ: славно! и разскажетъ, къ случаю, другую исторію, позамысловатѣе первой.

Дѣйствительно, находчивость есть такая добродѣтель между кавказскими служаками, какою даже не похващаются и на отдыхѣ, послѣ боеваго труда. Тутъ дѣло и пуля забыты, хотя врагъ, какъ хищный волкъ, рыскаеть

въ виду. Любопытно видѣть эту семью воиновъ неутомимыхъ, не знающихъ устали и нѣги, когда далеко отъ завѣтной стоянки, на нѣсколько дней, они запрутся въ брешь-баттарей, или окопаются лагеремъ. Въ нѣсколько часовъ вырастаетъ шумный городокъ боевыхъ скитальцевъ. Черныя стѣны туровъ сплошною массою тянутся направо и налево; въ оставленныхъ амбразурахъ глядятся жерла пушекъ; тамъ и сямъ отдыхаютъ усатые витязи на голой землѣ, подъ знойнымъ солнцемъ; другіе, позволяющіе себѣ маленькій комфортъ и менѣе привычныя къ жалу мухъ, чѣмъ къ свисту вражеской пули, спрятавъ голову въ пустую корзину, отдыхаютъ, оставляя ноги на произволъ дождя и солнца. У орудій собрались артиллеристы. Разбитной фейерверкеръ вытаскилъ изъ-за длиннаго голенища тщательно завернутую въ пестрый платокъ колоду картъ, и масляныя жлуди пошли по рукамъ. На шагъ отъ забавляющихся въ пятки, собралась другая семья боевыхъ друзей; коротенькая трубка и рассказы занимаютъ послѣднихъ.

— А ужъ правду-матку молвить, говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ: вотъ мать-стоянка въ Малоросіи... Объяденъе жизнь! Все этакое дешевое: арбузъ съ голову—копѣйка, сало, чарка зеленого ни почемъ.. И народъ ничего, безъ азарта; пригрѣшься гдѣ ни на есть бывало въ хатѣ, панъ-паномъ живешь, словно сыръ въ маслѣ катаешься; довольство такое, что просто умирать не надо... Дѣвчата добрыя, парубки веселые, просто сказать разливанное море жизнь.

«Стаиваль, братъ, и тамъ, отзывается другой: нечего сказать, разлимонная сторона! Прямо изъ некрутовъ пришелъ подъ Умань...»

— Да ты, нешто, Сивый (*), самъ-то не хохоль?

«Эва, голова.. Вѣстимо изъ великорусскихъ: я витебскій...»

— Ой ли! Мякинникъ, стало быть... Землякъ, лыкомъ строченый затылокъ! Вотъ она штука-то. Казенный, или господскій былъ?

«Господскій, братъ, Мироновъ. Да, что грѣха таить, хоть и рябятишекъ съ хозяйкой на брата оставилъ, а благодареніе Господу, за службой не поскучаю: камандерство, самъ знаешь, ласковое, служба не обидная, утюгомъ не хожу, пулѣ не кланяюсь — отличіе на виду...»

— Вишь ты, Сивый, за отличіемъ потянулся. Знай нашихъ! замѣчаетъ третій собесѣдникъ.

«А что же? Почему и не такъ... Поглядѣлъ бы ты на него вечерось, какъ онъ расходился въ каре.. Кажется, вотъ Черкесу носъ такъ и отъѣсть: изъ шеренги вопъ лѣзетъ, замѣчаетъ Мироновъ. Позапрошлый годъ, въ Головинскомъ четырехъ уходилъ, да и за пятымъ потянулся было, подстрѣлили только...»

— А что, Сивый, хорошо оцарапала?..

«Плевое дѣло — въ лопатку, кость пощекотала, да ужъ

(*) У нашихъ солдатъ встрѣчаются весьма часто преоригинальныя названія, которыя они, въ шутку, получаютъ отъ товарищей: сивый, козликъ, гусларка, Васька-мытый, и др.

и не вѣдаю какъ лихая въ пуговицу плюснулась...»

— Ой ли!

«Право... Ничего не забрало: вѣстимо пошатнулся, и только.»

Но вотъ раздался сигналъ тревоги. Все вздрогнуло, ожило, стройно двинулось впередъ, и, по слову командира, хоть въ пушку, хоть на пушку.

Говорить ли объ изумительной храбрости и мужествѣ этихъ богатырей? Тысячи примѣровъ героизма высокаго, самоотверженія дивнаго, каждый день и каждый часъ вѣнчаютъ новымъ лавромъ славы знамя кавказскихъ служаекъ. И какіе воинскіе примѣры! Полсотни служаекъ израненныхъ, измученныхъ голодомъ и жаждою, нѣсколько дней отчаянно мѣняютъ пулю на пулю врага, и въ истязаніяхъ физической пытки, съ храбрымъ Овечкинымъ и Щербиною, отстаиваютъ крѣпость. Во время геройскаго отступленія славнаго Котляревскаго, съ горстью неутомимыхъ храбрецовъ, отъ нѣсколькихъ тысячъ Персовъ, для спасенія орудія, два солдата ложатся подъ колеса живымъ мостомъ, и жизнью выкупаютъ спасеніе орудія... Пятьсотъ героевъ въ Михайловскомъ смѣло умираютъ во славу родины, и когда уже толпы враговъ готовы заарканить свободу и славу ихъ, рядовой Осиповъ, по общему согласію ратныхъ товарищей, взрываетъ укрѣпленіе, прося, за минуту предъ вѣрною смертию, одной только награды—*помянуть его дѣло!*

Нельзя безъ умиленія читать словъ Высочайшаго Приказа, въ которыхъ завѣтъ Христіанина-служиваго исполняется по волѣ Великаго Царя. Вотъ эти слова приказа. «Для увѣковѣченія же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядоваго Осипова, который *семейства не имѣлъ*, Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ: сохранить навсегда имя его въ спискахъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго Пѣхотнаго Полка, считая его первымъ рядовымъ, и на всѣхъ переключкахъ, при спросѣ его имени, первому отвѣчать: *«Погибъ во славу Русскаго оружія въ Михайловскомъ Укрѣпленіи.»* Кто изъ служаекъ за эту высокую загробную награду не пожертвуетъ жизнью!

Умалчиваемъ о молодецкихъ подвигахъ защитниковъ Ахты: событіе это еще свѣжо и у всѣхъ въ памяти....

В. Савиновъ.

Къ № 25-му Русскаго Художественнаго Листка, приложенъ рисунокъ, изображающій «Видъ Москвы изъ Кремля (изъ Альбома Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича), рисованный съ натуры художникомъ А. Чернышевымъ въ 1849 году.

Дорожка Горы. Каменный мостъ. Спасаемый Храмъ Спасителя. Новая Оружейная Палата.
Видъ Москвы, изъ Кремля. Изъ Альбома Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича. Видъ рисованъ съ натуры художникомъ А. Чернышевымъ въ 1849 году.